

*Дагмар Жидкова**

**ЗАИМСТВОВАНИЕ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ОМОНИМИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУСИЗМОВ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ
И БОГЕМИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)**

В словарном составе любого из славянских языков можно найти не только исконную лексику, но также различное количество заимствованных слов. Отношение говорящих к заимствованиям может быть очень разное – от строгого пуризма до неkritичного и неконтролируемого принятия иноязычных элементов, но без процессов заимствования ни один язык, наверное, не мог бы идти в ногу с техническим, духовным и культурным прогрессом.

Хотя почти все славянские языки сегодня пополняют свой лексический запас из западноевропейских языков (прежде всего из американского варианта английского языка), в их лексике можно найти также заимствования, которые проникли сюда в последние годы из других славянских языков. Процессы заимствования в пределах славянского мира были в прошлом, конечно, более интенсивны, чем в настоящие дни, что выражается в большом количестве славянизмов в отдельных славянских языках.

Процессы заимствования сопровождается, как правило, различное по интенсивности формальное приспособление принятых слов в языке-реципиенте вплоть до полной ассимиляции. Звуковые системы и правила словообразования славянских языков похожи друг на друга, поэтому в некоторых случаях очень трудно отличить славянизмы от исконных слов. Интеграция заимствований в структуру соответствующего языка-реципиента сопровождается также различными изменениями в их семантике и/или коммуникативно-функциональной сфере. На этом основании заимствования могут считаться потенциальным источником межъязыковой омонимии.

* Университет Юстуса Либига, Гиссен.

Под межъязыковой омонимией понимается явление совпадения по форме при несовпадении содержания на лексическом уровне. Межъязыковые омонимы – это лексемы двух (или более) языков, имеющие сходную формальную оболочку, но не совпадающие по содержанию. Под содержанием подразумевается, во-первых, семантическая структура, во-вторых, коммуникативно-функциональная сфера лексем. Эти слова образуют лексическую микросистему, которая обнаруживается при сравнении словарных составов двух (или более) языков. Межъязыковая омонимия представляет собой явление на *Inter-Langue*-уровне (ср. Schaeder 2003: 98), которое не надо смешивать с феноменом, названным *ложные друзья переводчика*, потому что здесь речь идёт о единицах, которые возникают на речевом уровне (межъязыковая омонимия является, таким образом, предметом исследования контрастивной лексикологии, тогда как *ложные друзья переводчика* рассматриваются при изучении межъязыковой интерференции, тесно связанной с теорией перевода и методикой преподавания иностранных языков).

Любопытно, что межъязыковые омонимы чаще привлекают внимание лексикографов, чем лексикологов. Лексикологические работы немногочисленны, что связано с отсутствием теоретической и методологической базы изучения этой проблемы. В данной статье решаются две задачи: с одной стороны, обобщаются теории, представленные в различных научных публикациях, по проблеме возникновения межъязыковой омонимии, с другой стороны, определяется роль заимствования при появлении межъязыковых омонимов, которая в исследованиях почти не обсуждается. Следующие рассуждения базируются на материале, который был получен при изучении русско-чешских языковых контактов, что, однако, не означает того, что эти выводы не могут быть перенесены на другую языковую пару (единственное ограничение связано с принадлежностью рассматриваемых языков к одной языковой семье).

Возникновение большей части межъязыковых омонимов связано с разнообразными семантическими процессами, которые можно назвать родовым понятием **семантическая дифференциация**. В группе родственных языков чаще всего речь идет о семантических процессах, касающихся развития слов и корней слов праязыка в отдельных языках, которые из этого праязыка возникли. Такое изменение можно продемонстрировать на примере лексем *palec* и *палец*, которые развились из праславянского **palьсь*. В чешском слове *palec* сохранилось праславянское значение ‘большой палец’, в то время как у русского слова *палец* произошло расширение значения, и сегодня эта лексема обозначает все подвижные конечные части кисти руки и ступни ноги у человека. Похожий процесс можно наблюдать у пары слов *žába* – *жаба*, только с той разницей, что здесь чешское слово приобрело более широкое значение, а именно

‘лягушка’, в русском языке осталось первоначальное значение праславянского слова *žaba.

Противоположным по содержанию семантическим процессом является сужение значения. Этот процесс можно показать на примере чешского слова *zápach*. Первоначальное значение этого слова было ‘запах вообще’, в этом значении оно сохранилось до конца XIX в. Только в XX в. его значение сузилось до ‘дурной запах, вонь’. Семантический объем русского слова *запах* остался без изменений по сравнению с праславянским прототипом. Сужение праславянского значения в русском языке и сохранение исконного значения в чешском языке можно рассмотреть на примере лексической пары *веко* ‘подвижная кожная складка, закрывающая глазное яблоко’ – *víko* ‘крышка’, которые происходят от праславянского существительного *věko.

Не столь многочисленны случаи, когда в обоих языках развиваются противоположные значения (в ряде исследований этот случай семантической дифференциации обозначается термином энантиосемия; ср. Балалыкина 1995). В языковой паре „чешский – русский” это можно видеть на примере лексем *zapomenout* – *запомнить*. В русском языке с этим словом связано значение ‘сохранить в памяти’, в чешском значение ‘забыть’.

Кроме процессов расширения и сужения значения и развития противоположных значений можно выделить еще более сложные изменения в семантике слов, которые имеют менее регулярный характер. К этим процессам принадлежит сдвиг смыслового центра. Этот семантический процесс имел место, например, у чешского слова *pitomec*, которое имеет по сравнению с русским словом *питомец* ‘воспитанник’ совершенно иное значение, хотя они произошли от одного слова – от глагола *pitati ‘питать, кормить’. В современном же чешском лексема *pitomec* имеет значение ‘дурак, болван’. Й. Махек объясняет происхождение чешского существительного следующим образом: „*P.* je starobylé part. pres. pas. (přípona -omъ) od *pitati* krmiti, živiti (viz *píce*) a znamenalo vlastně toho, kdo je chován, opatrován, živěn, tak i v češt. asi do Komenského; český vývoj významu vzešel z pozorování zvířat žijících zpravidla ve volné přírodě: jsou-li držena v zajetí a zbavena boje o život, ztrácejí bystrost, ostražitost, dokonalost smyslů, zvláště ztučnější-li.” (Machek 1957: 369).

Совсем другой тип дифференциации значений представляют собой семантические переносы, которые уже внутри одного языка достаточно сложны. В межъязыковом плане относятся к наиболее частым случаям не прямой номинации прежде всего метафорические и метонимические переносы (Балалыкина 2005: 25–26; см. также следующий пример). Метафорический перенос можно проиллюстрировать русской лексемой *гроб*. Сегодня с этой лексемой связывают только значение ‘специальный

длинный ящик с крышкой, в котором хоронят умершего’, однако в старорусском языке употреблялось исконное значение ‘могила’ (**grobъ* – это производное от глагола **grebti* ‘копать, рыть’). Перенос произошел на основе смежности этих двух значений. Формально соответствующее чешское слово *hrob* не претерпело этого изменения, оно сохранило первоначальное значение ‘могила’.

На основании метонимического переноса возникла омонимическая пара *пaseка* – *paseka*. В чешском языке эта лексема имеет значение ‘просека, вырубка’, что совпадает с первоначальным значением ‘вырубленное место в лесу’, в русском языке однако ‘пчеловодное хозяйство, место, где расположены ульи’ (значение ‘просека, вырубка’ осталось только в некоторых диалектах). Метонимический перенос объясняют тем, что раньше (как и сейчас) ульи чаще всего размещались на лесных полянах, чтобы пчелы там могли собирать нектар (Tęcza 2000: 407).

Возникновение некоторых межъязыковых омонимов связано с **системно-обусловленными различиями** между отдельными языками, которые развились из общего языка-основы. Например, сохранение праславянской консонантной группы *-*dl-* в чешском языке и ее устранение в русском языке способствовало образованию омонимии у глаголов *mýlit* ‘вводить в заблуждение’ и *мылить* ‘натирать мылом’ (в чешском языке существует наряду с глаголом *mýlit* также глагол *mydlit* ‘мыть’).

Дифференциация в коммуникативно-функциональной сфере также может повлиять на образование межъязыковых омонимов. Это может продемонстрировать развитие слова **oko* в обоих славянских языках. Прямое денотативное значение чешской лексемы *oko* и русской лексемы *oko* совпадает со значением праславянской лексемы – ‘орган зрения’. Однако они различаются стилистической маркированностью (функциональными особенностями) или немаркированностью. В русском языке речь идет о устарелой лексеме высокого стиля, а в чешском – о стилистически нейтральном слове, которое употребляется в повседневной речи.

Возникновение некоторых омонимов не объясняется ни одной из названных причин – они появились **случайно**. Многие русско-чешские омонимы, которые возникли случайно, связаны с процессами словообразования. Это можно продемонстрировать на паре слов *přivovar* – *пивовар*. Оба слова построены из тех же самых морфем (сложение двух одинаковых корней, нулевое окончание), но все-таки их значения разные. В чешском языке этим словом обозначается пивоваренный завод, в русском языке это название профессии. М. Форман объясняет это тем, что „[t]ato slova byla sice utvořena ze stejných jazykových prostředků, ale v různé době, za různých okolností a přirozeně i pro různé potřeby.” (Forman 1958: 441). Омонимов, которые образованы от разных корней праязыка, в родственных языках не так много. Примером этого случая может быть пара *podvodník* ‘мошенник,

обманщик' – *подводник* 'морьяк, служащий в подводном флоте, на подводной лодке'. Эти существительные были образованы в русском и чешском языках с помощью одинаковых аффиксов, но от разных слов – чешское от глагола *vést* 'водить', русское от существительного *вода*.

Какое место занимают процессы заимствования при возникновении междзыковой омонимии между двумя близкородственными языками? Оговоримся сразу, что обогащение лексики иностранными элементами не является причиной, а только фактором, который может способствовать образованию междзыковых омонимов.

В каждой языковой паре существует целый ряд междзыковых омонимов, среди которых присутствуют заимствованные слова. Далее рассматривается, как русизмы в чешском языке и бoгемизмы в русском языке участвуют в образовании междзыковых омонимов. В лексикологии, как и в исследовании языковых контактов, русизмы определяются как языковые единицы, которые были заимствованы из русского языка (языка-донора) в другой язык (язык-реципиент). В процессе заимствования русский язык функционирует как язык-источник или как язык-посредник. Поэтому среди русизмов можно найти как единицы исконно русского, так и нерусского происхождения. Аналогично определяются бoгемизмы.

Русизмам в чешском языке посвящено несколько публикаций, работы же о бoгемизмах в русском языке, напротив, немногочисленны. Существующая научная литература отражает интенсивность влияния русского языка на чешский, а чешского на русский. В. Будовичова метко замечает: „Vplyvy môžu byť, a zväčša aj bývajú, nesymetricky obojstranné, ale častejšie se jedná o jednostranný proces, v ktorom jazyk v silnejšej pozícii – v závislosti od svojho prechodného alebo trvalejšieho významového spoločenského postavenia – býva prostredníkom odovzdávania duchovných hodnôt inému jazyku a spoločnosti jeho nositeľov, ktorá ich spontánne prijíma a ako hodnoty uznáva (násilné procesy asimilácie nechávame bokom)” (Budovičová 1983: 258–259). В такой доминантной позиции был русский язык в славянском мире до переломных лет 1989/1990.

Когда и в связи с чем отдельные заимствования попали в чешский или в русский язык – это вопросы, которыми занимаются прежде всего этимология и социоллингвистика. Для сбора и накопления материалов для дальнейших рассуждений важна только степень ассимиляции заимствованных слов в языках-реципиентах, которая, несомненно, связана с вопросом *Когда*.

Время заимствования может быть очень ранним, так что некоторые этимологически иноязычные лексемы были полностью ассимилированы заимствующим языком и сейчас воспринимаются как исконные единицы (в русском языке таким образом ассимилировались, например, лексемы *духовенство*, *мещанин*, *справедливость*, которые были заимствованы из чешского языка в XIV или XV в.).

Наряду с хронологической отдаленностью на сглаживание иноязычного характера заимствованных слов оказывает воздействие также частотность их употребления. Слова, относящиеся к бытовой сфере и вследствие этого часто используемые, утрачивают окраску иноязычности гораздо быстрее, чем слова, находящиеся на периферии лексической системы. Едва ли какой-нибудь чех скажет сейчас, что, к примеру, слова *nářečí* 'наречие', *průmysl* 'промышленность' и *vzduch* 'воздух' не являются исконными в его родном языке. Однако, заглянув в этимологический словарь чешского языка, мы обнаружим, что все эти слова были заимствованы чешским языком из русского в период национального возрождения. Они функционируют в чешском не более 200 лет и тем не менее уже осознаются как исконные (другие русизмы, заимствованные в тот же период, до сих пор воспринимаются как чужеродные). Это подтверждает также *Slovník spisovné češtiny (SSČ)*, в котором данные лексемы не отмечены как русизмы, хотя они, бесспорно, имеют русские корни и указанный словарь содержит пометы о происхождении представленных в нем слов.

При сборе материалов, как уже было сказано, учитываются только те русизмы или богемизмы, которые до сих пор сохранили свой иноязычный характер. При выявлении русизмов в чешском мы опираемся на указания *SSČ*. Выражения, которые были перенесены в чешский прямо из русского и не ассимилировались полностью, помечены здесь знаком < г >, нерусские лексемы, попавшие в чешский через посредство русского (русский выполняет здесь роль языка-посредника), имеют помету < г < ... >, где вместо точек указывается язык-источник.

При выявлении богемизмов в русском языке невозможно было прибегнуть к соответствующему словарю русского языка, к *Толковому словарю русского языка (ТСРЯ)* Ожегова и Шведовой, потому что этот словарь дает информацию о происхождении представленных в нем лексем только в исключительных случаях. Поэтому для выявления богемизмов использовался один из словарей иностранных слов, а именно *Современный словарь иностранных слов (ССИС)*; так же, как и чешские словари иностранных слов и *SSČ*, этот словарь, как правило, не включает полностью ассимилировавшиеся в русском языке слова иностранного происхождения). Ясно, что произведенная таким образом подборка русизмов в чешском языке и богемизмов в русском не может претендовать на полноту.

Из *SSČ* было выписано в целом 89 лексем, которые попали в чешский непосредственно из русского языка (59 лексем) или через посредство русского из другого языка (30 лексем). Как и ожидалось, в *ССИС* было найдено немного богемизмов. Три лексемы проникли в русский язык прямо из чешского, при заимствовании двух лексем роль чешского языка недостаточно выяснена (чешский рассматривается как возможный посредник).

Следующим шагом было установление того, какие из этих лексем соответствуют критерию формального тождества, который является основополагающим для междзыковой омонимии. Займствованные слова сопоставлялись со словами языка-донора. Материал собирался из словарей, поэтому при установлении формального совпадения двух лексем учитывалась прежде всего их графическая репрезентация. Поскольку русская и чешская графические системы пользуются средствами разных алфавитов, русские лексемы транслитерировались. Сильно различающиеся с формальной точки зрения пары лексем (в смысле невыводимости формальных расхождений из различий между русской и чешской языковыми системами) исключались из анализируемого материала.

В целом 79 русизмов и все 3 богемизма были квалифицированы как соответствующие по форме исходным лексемам в русском и чешском языках. Большое количество формально соответствующих русизмов в чешском языке связано с тем, что в эпоху национального возрождения, когда было займствовано подавляющее большинство выявленных лексем, «решающим моментом было установление закономерных соответствий между родственными явлениями в графике и фонетике русского и чешского языков и обусловленный этим соответствием выбор чешской формы. [...] Этот же принцип четко проявляется и на словообразовательном уровне займствуемых русизмов, [...]» (Лилич 1982: 136).

После анализа внешней стороны ставилась задача сравнения содержательного плана, т.е. анализировались семантическая структура и коммуникативно-функциональная сфера формально совпадающих словесных пар. Решающее значение имели при этом указания толковых словарей чешского (*SSČ*) и русского (*ТСРЯ*) языков. Из 79 русизмов 33 лексемы обнаруживают различные расхождения в семантической структуре по сравнению с исходными лексемами русского языка и 2 русизма отличаются от русских прототипов своими функциональными характеристиками. Что касается богемизмов, то все 3 лексемы отличаются по семантике от формально соответствующих им чешских слов, тогда как их функциональные особенности совпадают.

В качестве примера дифференциации в коммуникативно-функциональной сфере можно привести только русизмы *vesna* (рус. *весна*) и *kormidlo* (рус. *кормило*). *Весна* в русском языке стилистически немаркированная лексема, а в чешском это слово получило сразу при займствовании стилистическую окраску *поэтическое*. Это можно объяснить тем, что в западнославянском языке уже существовала лексема со значением ‘весна’, а именно *jaro*, поэтому не было никакой необходимости, займствовать слово с таким же значением. *Jaro* – лексема стилистически нейтральная, которая для поэтических целей не подходила, поэтому была займствована лексема *vesna*. Лексемы *vesna* и *jaro* представляют стилистические сино-

нимы в чешском языке, так же как и лексемы *кормило* и *руль судна* в русском языке. Словесные пары *vesna* – *весна* и *kormidlo* (стилистически немаркированное слово) – *кормило* примеры коммуникативно-функциональных межъязыковых омонимов.

Происхождение всех остальных выявленных русско-чешских и чешско-русских омонимов связано с семантическими процессами (эти омонимы можно назвать семантическими межъязыковыми омонимами). Все виды семантической дифференциации, которые были рассмотрены в начале статьи (расширение, сужение, сдвиг смыслового центра и перенос значения), представлены в наших материалах, однако не нашлось ни одной словесной пары с противоположным значением. Ряд заимствований имеет наравне с семантическими различиями еще и расхождения в коммуникативно-функциональной сфере. Ради экономии места могут быть представлены лишь некоторые примеры.

Только у одного русизма было обнаружено расширение значения по сравнению с русской исходной лексемой. Речь идет о советизме *bolševizmus*, который не только имеет значение русской лексемы *большевизм* ‘течение в рабочем движении в начале XX в., основанное на марксистской теории’, но и употребляется в чешском как обозначение коммунизма или социализма вообще.

Многочисленные выявленные межъязыковые омонимы являются результатом сужения значения. В качестве разновидности такого сужения значения можно рассматривать заимствование части значения. Такой случай мы наблюдаем на примере чешской лексемы *gramotný*, которая имеет только значение ‘умеющий читать и писать’. В русском языке это слово многозначно: ‘1. умеющий читать и писать, а также умеющий писать грамматически правильно, 2. обладающий необходимыми знаниями, сведениями в какой-н. области, 3. выполненный без ошибок, со знанием дела’. Другую разновидность сужения значения представляет собой спецификация значения внутри однозначной лексемы. Это можно продемонстрировать на примере лексемы *tajga*. В русском языке *тайга* означает ‘дикий хвойный лес на севере Европы, Азии и Северной Америки’, формально соответствующий чешский эквивалент *tajga* имеет терминологический характер (географический термин) и обозначает только ‘сибирский хвойный лес’. Особый случай редукции семантического объема представляет собой следующая ситуация – заимствуется только прямое значение, а переносное значение, которое в большинстве случаев имеет разговорный характер, или полностью отсутствует (напр. *kolchoz* – *колхоз*, *pogrom* – *погром*), или системы переносных значений не совпадают (напр. *suchar* – *сухарь*).

Интересный случай смещения значения мы наблюдаем в лексической паре *ochranka* – *охранка*. В дореволюционной России разговорным словом

охранка обозначалось охранное отделение, сейчас это слово употребляется для обозначения тайной полиции вообще. В чешском этот русизм, который также имеет разговорный характер, используется для обозначения телохранителей важных персон.

Метонимический перенос, точнее перенос *totum pro parte* (с части на целое), можно продемонстрировать на примере пары *vorvaň – ворвань*. Русское слово, которое сейчас относится к устаревшей лексике, имеет значение ‘вытопленный жир морских животных и некоторых рыб’. Чешским языком это слово было заимствовано как обозначение морского животного семейства *Physeter* (в русском языке это животное обозначается словом *кашалот*).

Поскольку количество выявленных нами формально совпадающих бжемиэмов, которые в то же время имеют семантические расхоэдения по сравнению с чешскими лексемами, очень невелико, мы оговорим все случаи. Речь идет о межъязыковых омонимах *колготки – kalhotky*, *полька – polka* и *робот – robot*.

В русском языке часто используемое слово *колготки* – самый новый из найденных бжемиэмов. По мнению Л. П. Калакуцкой, это слово перешло в русский язык из чешского словосочетания *punčoškové kalhotky*, которое на русский язык можно точно перевести как *чулочковые штанишки* (Калакуцкая 1966: 214; интересно, однако, что официальное название товара, которое должно было быть прототипом для русского слова *колготки*, т.е. *punčochové kalhoty*, является словосочетанием, не содержащим ни одной уменьшительной формы).

В чешском языке лексема *kalhotky* – уменьшительная форма от слова *kalhoty* ‘брюки, штаны’. В современном русском языке словом *колготки* обозначают не штанишки, а трикотажное изделие, плотно облегающее ноги и нижнюю часть тела, чулки, соединенные с трусами. Денотативные значения чешского и русского слова, следовательно, не совпадают. К тому же, в русском языке можно говорить о лексикализованном деминутиве, т.е. это слово как уменьшительное нейтрализовалось.

Бжемиэзм *робот* считается почти во всех лексикологических работах интернационализмом, но при более детальном анализе можно заметить, что семантика этого слова в русском и чешском языках не совпадает полностью. К. Чапек употребил лексему *robot* для обозначения искусственного человека. В чешском языке семантика этого слова постепенно развилась – с одной стороны, сохраняется первоначальное значение ‘искусственный человек’, которое может быть употреблено и в переносном смысле – ‘человек, работающий много и без отдыха’, с другой стороны, развилось второе значение – ‘аппарат, машина’ (разные значения маркируются различными окончаниями в дефлектиационной парадигме: в первом значении существительное получает в родительном падеже единственного

числа флексию *-a*, которая свойственна в чешском языке одушевленным существительным мужского рода, а во втором значении – флексию *-и*, характерную для неодушевленных существительных мужского рода).

В русском языке лексема *робот* существует прежде всего во втором значении. В *ССИС* можно найти такое толкование: термин, которым обозначают машины (устройства) с т. наз. антропоморфным (человекоподобным) действием, которые частично или полностью заменяют человека при выполнении работ в условиях недоступности объекта. В русском языке это слово употребляется также метафорически – ‘человек, который выполняет какую-либо работу бездумно, механически’, но это значение не совпадает полностью с метафорическим значением чешского слова. На этом основании лексемы *robot* – *робот* также можно рассматривать как межъязыковые омонимы.

Интересная ситуация сложилась в результате заимствования слова *polka*. В чешском оно обозначает народный чешский танец с размером 2/4, а также музыку в ритме этого танца. В русский язык это слово попало с тем же самым значением, но здесь уже было формально идентичное слово. Так возникли омонимы внутри русского языка (*полька*¹ – ‘быстрый, с прыжками, танец, а также музыка в ритме этого танца’, *полька*² – ‘жительница Польши’). Это пример того, что внутриязыковая омонимия может привести к межъязыковой омонимии (*polka* – *полька*).

Выводы. Почти половина выявленных формально совпадающих русизмов и все бегемизмы участвуют в образовании межъязыковой омонимии. Несмотря на тот факт, что материал не очень обширен, можно сделать некоторые заключения и обобщить полученные данные.

Приведенные в работе примеры подтверждают, что не только у исконной, но также у заимствованной лексики основной причиной образования омонимии является семантическая (реже функционально-стилистическая) дифференциация. Однако обнаруживается и существенное различие: если семантическая дифференциация межъязыковых омонимов, развившихся из общего праязыка, происходит постепенно, в тесной взаимосвязи с развитием унаследовавших их языков, то заимствованные слова проникают в язык-реципиент по большей части с уже измененным значением, сложившимся в момент заимствования.

Изменения в семантической структуре заимствованных лексем по сравнению с лексемами языка-донора часто являются более сложными, чем те огрубленные ярлыки (сужение, смещение значения и под.), которыми они снабжаются (при некоторых заимствованиях произошло сразу несколько семантических процессов). Результаты семантической дифференциации варьируются от почти незаметных нюансов (*robot* – *робот*) через частичное несовпадение (*gramotný* – *грамотный*) до полного семантического расхождения (*kalhotky* – *колготки*).

Важным фактором при возникновении междзыковой омонимии является наличие внутрязыковой омонимии, которая в обоих языках относительно развита. Как в пределах одного языка, так и при сопоставлении языков в омонимические отношения вступают прежде всего существительные.

Хотя расхождения, ограниченные сферой стилистики, представлены здесь только двумя лексическими парами, они также заслуживают особого внимания лексикологов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Словари

- ASCS (2001) = *Akademický slovník cizích slov*, Praha.
Machek V. (1968), *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha.
PSJČ (1935/37–1955/57) = *Příruční slovník jazyka českého*, Praha.
Rejzek J. (2001), *Český etymologický slovník*, Voznice.
SSČ (2003) = *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*, Praha.
SSJČ (1958–1971) = *Slovník spisovného jazyka českého*, Praha.
Комлев Н. Г. (1995), *Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием)*, Москва.
ССИС (1994) = *Современный словарь иностранных слов*, Санкт Петербург.
ТСРЯ (1994) = *Толковый словарь русского языка*, Москва.
Фасмер М. М. (1964–1973), *Этимологический словарь русского языка*, т. I–IV, Москва.
- Birbrajer J. (1987), *Friends and false friends: A dictionary of “false friends” between Polish and Russian with an English translation of all entries*, Stockholm.
Čemerikić J., Imart G., Tikhonova-Imart V. (1988), *Paronymes russo/serbo-croates (“amis” et “faux amis”)*, Aix-en-Provence.
Kusal K. (2002), *Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych: Русско-польский словарь междзыковых омонимов*, Wrocław.
Lotko E. (1992), *Zrádná slova v polštině a češtině: lexikologický pohled a slovník*, Olomouc.
Orłó T. Z. (red.) (2003), *Czesko-polski słownik zdradliwych wyrazów i pułapek frazeologicznych*, Kraków.
Vlček J. (1966), *Úskalí ruské slovní zásoby: slovník rusko-české homonymie a paronymie*, Praha.
Журавлев А. И., Захаров С. С. (1977), *«Ложные друзья» переводчика из чешского языка*, Москва.

2. Статьи и монографии

- Budovičová V. (1983), *Z konfrontačnej lexikológie príbuzných jazykov – lexikálne paralely v slovenčine, ruštině a češtině*, [v:] *Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby II*, red. V. Hrabě, A. G. Širokovová, Praha, s. 257–273.
Dokulil M. (1955), *Vliv ruštiny na ostatní spisovné jazyky v sovětské epoše*, „Sovětská jazykověda” V, 3, s. 161–175.

- Filipec J., Čermák F. (1985), *Česká lexikologie*, Praha.
- Forman M. (1958), O tzv. „česko-ruských homonymech“, „Ruský jazyk“ 10, s. 440–449.
- Frohne G. (1989), *Die Internationalisierungstendenz des Wortschatzes und die sogenannten Internationalismen*, „Fremdsprachenunterricht“ 33/42, 8/9, S. 439–443.
- Havránek B. (1963), *Vlivy spisovné češtiny na jiné jazyky slovanské v době feudalismu*, [v:] *Studie o spisovném jazyce*, B. Havránek, Praha, s. 291–304.
- Konstantinová T. I., Široková A. G., Zatovkaňuk M. (red.) (1974), *Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby*, Praha.
- Křížková H. (1953), *Ruské lexikální prvky v češtině po r. 1945*, [v:] *Kniha o překládání*, red. J. Moravec, Praha, s. 179–197.
- Lägreid A. (1973), *Die russischen Lehnwörter im Slovenischen (Die in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts übernommenen Wörter)*, München.
- Marvan J. (2004), *Čeští poutníci v cizině (O robotech a zbraních)*, [v:] *Brána jazykem otvíraná aneb O češtině světové*, J. Marvan, Praha, s. 44–46.
- Ondrus P., Horecký J., Furdík J. (1980), *Súčasný slovenský spisovný jazyk: lexikológia*, Bratislava.
- Schaeder B. (2003), *Neuerlicher Versuch einer theoretischen und methodischen Grundlegung der Internationalismen-Forschung*, [in:] *Internationalismen II*, Hrsgs. P. Braun, B. Schaefer, J. Volmert, Tübingen, S. 71–107.
- Sternin I. A., Fleckenstein Ch. (1994), *Studien zur kontrastiven Lexikologie und Phraseologie: dargestellt am Material des Russischen und Deutschen*, Voronež.
- Tęcza Z. (2000), *Faux-amis im Westslavischen*, „Zeitschrift für Slawistik“ 45, 4, S. 404–412.
- Večerka R. (1957), *Postavení ruštiny mezi slovanskými jazyky*, Praha.
- Vlček J. (1966), *Rusko-česká homonymie a paronymie*, [v:] *Úskalí ruské slovní zásoby: slovník rusko-české homonymie a paronymie*, J. Vlček, Praha, s. 181–230.
- Wandruszka M. (1977), „Falsche Freunde“: ein linguistisches Problem und seine Lösung, „Zeitschrift für französische Sprache und Literatur“, Beiheft Neue Folge 5: Festgabe für Julius Wilhelm zum 80. Geburtstag, hrsg. von H. Leitenberger, Wiesbaden, S. 53–77.
- Witkowski W. (2003), *Jeszcze o bohemizmach w języku rosyjskim*, [w:] *Języki i tradycje Słowian*, red. E. Tokarz, Katowice, s. 315–323.
- Zatovkaňuk M. (1982/1983), *O lexikálních rusismech (v překladech z ruštiny do češtiny)*, „Ruský jazyk“ 33, s. 11–17.
- Айдукович Й. (1997), *Слова с лексикографической пометой «русизм» в словарях современного сербскохорватского литературного языка*, [в:] *IV международный симпозиум: сопоставительные и сравнительные исследования русского и других языков (доклады)*, ред. Б. Станкович, Белград, с. 340–346.
- Балалыкина, Э. А. (2005), *Методические приемы обучения близкозвучной лексике на занятиях по русскому языку в польской аудитории*, [в:] *Формирование коммуникативной компетенции иностранных учащихся*, ред. Т. П. Трошкина, Н. Л. Орлова, Казань, с. 18–27.
- Балалыкина, Э. А. (1995), *О словах с противоположными значениями в русском и польском языках*, [in:] *Innerslavischer und slavisches-deutscher Sprachvergleich*, Hrsg. H. Jellite, T. P. Troškina, Frankfurt/M., S. 211–218.
- Бояджиев Т. (1986), *Българска лексикология*, София.
- Гак В. Г. (1977), *Сопоставительная лексикология*, Москва.
- Димитрова Т. (1985), *О причинах межъязыковой омонимии (о некоторых французских заимствованиях в русском и болгарском языках)*, „Съпоставително езикознание“ X, 3, с. 10–15.
- Калакуцкая Л. П. (1966), *Колготки*, „Вопросы культуры речи“, VII, с. 213–215.

- Крысин Л. П.** (2004), *Русское слово, своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике*, Москва (= *Studia philologica*).
- Лейчик В., Секежицки Э.** (2000), *Основы конфронтативной лексикологии польского и русского языков*, Szczecin.
- Лексікалогія...* (1994) = *Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы*, Мінск.
- Лилич Г. А.** (1982), *Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX века)*, Ленинград.
- Пособие...* (1974) = *Пособие по лексикологии русского литературного языка*, ред. Л. В. Копецкий, Praha.
- Ровдо И. С.** (1980), *Межъязыковая омонимия в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма*, Мінск.
- Рыльский М.** (1954), *Из размышлений переводчика*, „Новый мир” 9, с. 227–233 (перевод с украинского).
- Скорвид С. С.** (2005), *Чешский язык*, [в:] *Славянские языки*, ред. А. М. Молдован и др., Москва, с. 234–274.
- Шагин С.** <http://www.sbible.boom.ru/qb037.htm>

Dagmar Židková

**ENTLEHNUNG UND INTERLINGUALE HOMONYMIE
(AM BEISPIEL VON RUSSISMEN IM TSCHECHISCHEN
UND VON BOHEMISMEN IM RUSSISCHEN)**

Z u s a m m e n f a s s u n g

In diesem Beitrag werden Ursachen, die zur Entstehung interlingualer Homonymie innerhalb einer Sprachfamilie führen, bzw. Faktoren, die ihre Entstehung begünstigen können, thematisiert. Als interlinguale Homonymie wird dabei das Phänomen der formalen Kongruenz bei gleichzeitigen inhaltlichen Divergenz auf der lexikalischen *Inter-Langue*-Ebene bezeichnet. Allgemein verbreitet ist die Ansicht, dass die zwischensprachliche Homonymie v.a. als Resultat semantischer Differenzierung (Bedeutungserweiterung, Bedeutungsverengung, Bedeutungsverschiebung und Bedeutungsübertragung) entsteht. Es gibt jedoch weitere Faktoren, die sich an der Bildung zwischensprachlicher Homonyme beteiligen. Die Autorin rechnet dazu die Differenzierung kommunikativ-funktionalen Bereich, die unterschiedliche Entwicklung der Sprachsysteme und nicht zuletzt den Zufall. Anhand russischer und tschechischer Lexeme werden diese Prozesse demonstriert. Anschließend wird die Rolle der Entlehnungsprozesse bei der Bildung interlingualer Homonyme angesprochen. Dies wird anhand von Russismen im Tschechischen und von Bohemismen im Russischen, die nicht vollständig assimiliert wurden, gezeigt. Es wird sowohl eine quantitative als auch eine qualitative Analyse einer von der Autorin erstellten Belegsammlung durchgeführt.